

Соджон издал высокий, слегка гнусавый звук:

— Это грубо. Вы хотите сказать, что ваши читатели читают вашу ложь? Мистер У, мне больно. Я чувствую себя одиноким.

Выражение лица Дон Гиля помрачнело, но Чжухо добавил, глядя на Соджона, который утверждал, что он читатель, которого он обидел:

— Ты должен дать мне закончить. В книге всегда есть правда. Не грусти.

— Пожалуйста, объясни, — попросил Соджон, продолжая играть. Только он смотрел на Чжухо глазами, блестящими от интереса.

— Допустим, гончар-ремесленник делает гончарные изделия, — медленно сказал Чжухо. — Неважно, что он делает. Когда люди увидят это, они не сочтут это ложью.

Вероятно, они даже не сомневались бы в этом. То же самое произошло и с гончаром. Он не сомневался, было ли то, что он сделал, реальным или нет. Однако авторы были другими.

— Автор пишет роман о гончаре-ремесленнике. Он тоже гончар, что бы он ни делал.

— Это все глиняная посуда, — пробормотал Дон Гиль, и Чжухо кивнул.

— Правильно. Это все создано человеком, но к ним относятся по-разному. Одно выдуманно, а другое существует на самом деле.

— Мяу, — раздался снаружи слабый крик. Черный кот смотрел в их сторону прищуренными глазами.

— Внешне да, — добавил Чжухо.

— Внешне, — повторил его слова Соджон.

— Да. Керамика, сделанная настоящим мастером, предназначена для практического использования. Ее использовать в качестве контейнеров для напитков или риса. Ее можно увидеть глазами и потрогать руками.

— Да, керамическая посуда ремесленника имеет определенную форму.

— Но с романами все не так. Они выдуманы. В конце концов, это просто буквы, написанные на странице. Вы не можете использовать их как контейнеры.

«Роман был ложью. Означало ли это, что авторы были лжецами?» Было время, когда Чжухо застревал на этом вопросе. То, что он написал, не могло быть правдой. Как бы он ни старался, он не мог изменить того факта, что это было выдуманно. Он чувствовал себя виноватым. Ему казалось, что он ничем не отличается от мошенника. Он не мог так смотреть на романы. Его голова и разум были хаотичны. Спокойные воды в его сознании начали выходить из-под контроля и мутнеть. Он ничего не мог сделать.

— Тогда что в нем?

Однако, пока автор был еще рядом, грязь в конце концов опускалась на дно.

— Эмоции.

— Эмоции... — повторил его слова Соджон. В романах были эмоции, которые нельзя было ни увидеть, ни потрогать. Тем не менее, они определенно существовали. Их чувствовал каждый.

— В эмоциях нет ни правды, ни лжи. Это просто чувства. Они в сердце.

Теперь Чжухо понял. Он был в состоянии стоять уверенно и отвечать без колебаний.

— Я пишу не потому, что хочу обмануть людей, — сказал он, слегка опустив голову.

Были моменты осознания в жизни. Как гроза, они пришли без предупреждения. Затем последовало время. Чжухо пришлось прожить годы и годы, чтобы понять разницу между правдой и ложью. Прошло достаточно времени, чтобы грязь снова опустилась на дно, и вода больше не была мутной. Хотя это было давно, это не казалось чем-то большим.

Когда Чжухо посмотрел вперед, он увидел белую кружку с кофе.

— Автор пишет гончара, а не сами горшки. Человек гораздо крупнее и сложнее, чем гончарное дело. Если он отвлекается на то, что правда или ложь, он теряет форму и становится неузнаваемым. Нам часто становится не по себе на душе, когда мы решаем, что все романы — ложь. Вот доказательство.

— Невероятно.

«Хлоп, хлоп, хлоп».

Комната наполнилась этим звуком. Дон Гиль медленно хлопал в ладоши.

— Вот он, У Ён. Ты выглядишь идиотом рядом с ним.

Соджон горько улыбнулся.

— Это неловко, но я должен признать. Мне потребовалось пять лет, чтобы прийти к такому выводу, а вы уже это поняли.

Это неправда. Чжухо не нашел ответа так быстро, как показалось Соджону. Он подумал, проглатывая слова, которые не мог выговорить. «Пять лет — столько времени ему понадобилось, чтобы написать свою последнюю книгу. Это было причиной?»

— Это было причиной, — ответил Соджон, словно читая мысли Чжухо. Он глотнул кофе, а затем вытер рот рукавом.

— Однажды, когда я писал, мне стало плохо. Меня прошиб холодный пот, как будто я съел что-то плохое. После этого я не мог писать.

Чжухо знал, каково это.

— Я не мог ответить ни на один вопрос о себе. Мой мозг перестал работать. Я не осмеливался выйти на улицу, хотя всегда был домоседом, — добавил он. — Первый год было терпимо. Я подумал про себя: «Давай относиться к этому как к отпуску. Я сразу почувствую себя лучше». Но через год и через год ничего не изменилось. Я начал беспокоиться.

Чжухо наблюдал за ним. Он увидел его повседневную одежду и торчащие волосы. Написание книги могло вызвать беспокойство у ее автора, даже у такого свободного духом человека, как Соджон.

— Это было бесполезно, независимо от того, сколько я говорил с ним. Это было то, что он должен был исследовать все время, — тихо сказал Дон Гиль.

Чжухо кивнул. Когда внутри расцветали такие сомнения и тревоги, приходилось искать ответ самому.

— После трех лет мое здоровье начало ухудшаться. Были постоянные головные боли и головокружения. На четвертом я обнаружил, что стал невероятно робким. Мои движения становились вялыми и неуклюжими. Я проводил все больше времени, стоя в углу. Я становился меньше, — сказал Соджон, вспоминая последние пять лет, которые он провел, не написав ни слова. Дни были невыносимы и полны ненависти к себе. С каждым днем он становился все более и более вялым, и его мозг больше не пытался различать дни. Каждый день был одинаковым. Его чувство времени притупилось. Время пролетело мимо него.

— Время просто шло, а мне становилось только страшнее, — сказал он.

— Как вам удалось выкарабкаться? — тихо спросил Чжухо.

— Забавная история, — сказал он, усмехнувшись. — Однажды моя домовладелица сказала мне ожидать какого-то шума, потому что она собиралась посадить большое дерево на заднем дворе. Я не мог видеть задний двор отсюда, поэтому, как обычно, я просто снова заснул.

«Дерево и хозяин, это была внезапная смена темпа. Как он смог выйти из своей колеи?»

— В течение нескольких месяцев здесь было довольно шумно, и слышались звуки людей, передвигающих строительные материалы. Тем не менее я тихо сидел дома. Однажды я заметил, что в доме было необычно тихо, поэтому я открыл окно, чтобы посмотреть, что происходит. Затем я услышал слабое чириканье. Именно тогда я понял, где было посажено дерево.

Чжухо представил себе дерево, дерево, которое должно было существовать в месте, недосягаемом для его глаз.

— Это было освежающе, в несколько раз больше, чем обычно. Я не мог вспомнить, когда в последний раз дышал свежим воздухом. С того дня я стал ежедневно дышать свежим воздухом с широко открытыми окнами. Однажды я сидел у окна, дышал, как обычно, и мои глаза встретились с глазами моей хозяйки во дворе. Я сказал «привет», и у нас состоялся короткий разговор. Вы знаете, что она тогда сказала? — спросил Соджон с улыбкой.

— Никакого дерева не было. Как только она начала, она поняла, насколько это будет сложно, поэтому сдалась. С тех пор, как появилось дерево, все было так хорошо, но оказалось, что шум был из-за какого-то строительства рядом. Оглядываясь назад, было немного странно, что посадка дерева заняла так много времени. Если бы я использовал свой мозг хотя бы немного больше, если бы я вышел и посмотрел на мгновение, я бы сразу все понял, но мой вялый мозг все время думал, что это дерево. Весь день я катался по полу от смеха. Хотя «дерева» больше не было, я чувствовал себя отдохнувшим.

— Наконец-то я добрался до истины, — добавил он.

— «Дерево» раскрывается в тот момент, когда я верю, что оно существует. Моя работа заключалась в том, чтобы переосмыслить это как развитие моего письма.

Его глаза сверкали в тени, и он ярко улыбался, хотя выглядел неопрятно. Однажды тревога вернется. Времена смятения и хаоса всегда возвращались, и он всегда отправлялся на поиски истины.

— Я с нетерпением жду вашей новой книги!

— Вы должны. Вероятно, она не будет похожа на другие мои книги. Она будет длинной.

— Правда? Каким именно образом?

— Что-то вроде... Падения в бездну вместо роста?

Это была полная противоположность тому, что он писал до сих пор. В большинстве его книг персонажи становились более зрелыми на протяжении всей истории. Они испытывали все на себе, когда росли и стонали от боли. И они учились.

— Открою тебе секрет, — прошептал Соджон, хотя в комнате было всего два человека. — Главный герой — корпоративный работник.

— Я уже прочитал это в синопсисе.

— Купите книгу, если хотите узнать все остальное.

Дон Гиль даже не выглядел удивленным. Две кошки исчезли, и котенок не плакал. Должно быть, они ушли искать другое место для ночлега, и Чжухо спросил, глядя в окно на пустой передний двор:

— Думаю, у тебя все это время был ответ, Дон Гиль.

— Не нужно было искать ответ. Мои рассказы основаны на моем собственном опыте. Другими словами, они реальны, — резко ответил он, скрестив руки.

— Может, он так не выглядит, но он здесь самый простой человек.

— Что это должно значить? Ты можешь что-то сказать о моей внешности?

— Я знаю тебя уже много лет. Как-то поздно жаловаться.

— Не думаю, что мне нравится твой тон.

Это было очень похоже на Дон Гиля. Кто-то сказал Чжухо, что у каждого автора есть своя уникальная личность. Каждый писал своим сердцем. Именно их сердца определяли их истории и стили письма. Чжухо посмотрел на часы на стене. Они уже довольно долго разговаривали.

— Я голоден.

Как и сказал Соджон, бильярдный стол делал лапшу из черной фасоли еще вкуснее. Когда он уходил, убрав за собой, Соджон спросил:

— Когда ты планируешь написать свою следующую книгу?

Он спросил это без какого-либо подтекста, и, тем не менее, в его вопросе был смысл. Чжухо почувствовал, как Дон Гиль оглядывается, стоя у ворот.

— Я уже работаю над ней, — ответил он, тихо выходя.

— Останови работу прямо там, где закончил в последний раз!

В тот день Чжухо пришлось остаться у Соджона подольше.

<http://tl.rulate.ru/book/27516/2747246>